

ПУГАЧЕВСКОЕ ЗНАМЯ

В одном из залов Государственного Исторического музея (ГИМ) можно увидеть редчайший памятник — знамя одного из отрядов войска Е. И. Пугачева. Знамен, значков или других отличительных символов крестьянских войн, возглавлявшихся И. И. Болотниковым, С. Т. Разиным, К. А. Булавиным, не сохранилось, хотя в документах, повествующих о разинцах, упоминания о знаменах в отрядах восставших встречаются довольно часто. Поэтому уцелевшее знамя пугачевцев является подлинной реликвией, настоящей ценностью. Небольшое полотнище знамени сделано из неокрашенной льняной ткани, окаймляющей среднюю часть, сшитую из той же ткани коричнево-красного цвета. В центре шит прямой крест, также из льняной ткани, только полосы его более узкие и делят середину на четыре поля. Края сильно загрязнены и изорваны, частично утрачены. Реставраторам пришлось много потрудиться, чтобы восстановить ветхое и разорванное полотнище. Середины не было совсем, только по маленьким ветхим полоскам ткани приглушенного красного цвета, сохранившимся в местах соединения их с тканью холста, удалось установить, что подлинной тканью середины знамени была тонкая хлопчатобумажная ткань, которая в XVII—XVIII вв. называлась «киндяк». Древко оказалось сломанным и скрепленным железными связями. Осталось загадкой, имелись ли на красных четвертях какие-либо изображения.

Что же известно об этом знамени, какие события оно пережило и каким образом уцелело? 29 января 1774 г. главнокомандующий правительственной армией генерал-аншеф А. И. Бибиков, находясь в Казани, сообщил Екатерине II: «Злодейские сочинения здесь при последней экзекуции сожжены палачом, а значки их, так называемые знамена, им же изорваны. То ж самое велено от меня делать по всем местам, где оныя письма и знаки случатся»¹. В Оренбурге, Казани, Симбирске, Москве секретные комиссии производили допрос, пытку и казни тысяч людей, уничтожая при этом все, что позднее могло хоть чем-нибудь напоминать народу о грозных событиях антикрепостнической эпопеи. Вот отрывок из указа Оренбургской секретной комиссии: «Лжесплетенные письма, равно и богомерзкие его значки, комиссия, собрав не малое число, определила все оныя здесь, на площади, через палача публично истребить огнем»². Не удивительно, что вещественных памятников восставших казаков и крестьян сохранилось очень мало.

История уцелевшего знамени драматична так же, как и история того пугачевского отряда, над которым оно развевалось. 17 июля 1774 г. после поражения под

¹ Я. Грот. Материалы для истории пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова. СПб. 1862, стр. 53.

² «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских» при Московском университете. Кн. II. М. 1861, стр. 60.

Казанью Е. И. Пугачев с 400 спутниками переправился на правый берег Волги. Его появление послужило здесь сигналом к усилению крестьянского движения. Теперь оно охватило, в частности, массы помещичьих и государственных крестьян нерусских народностей — марийцев, татар, мордвы, чувашей. Поднялись восстания в Нижегородском, Ядринском, Курмышском, Алаторском, Арзамасском и других уездах. Однако Пугачев не решился направиться к Москве и, дойдя до Суры (приток Волги), повернул на юг. Главные силы восставших двигались на г. Курмыш. Купеческая и чиновная верхушка небольшого торгового городка Ядрина, расположенного на левом берегу Суры, решила организовать сопротивление пугачевцам, которое возглавил поручик Л. Лихутин.

В «Казанских губернских ведомостях» середины XIX в. помещены два рассказа, повествующие об этих событиях. В одном из них говорится о том, что чуваша Ядринского уезда вместе с отрядом пугачевцев пришла большой толпой на берег Суры, напротив Ядрина. Некоторые жители города «притворно изъявили покорность и предложили им свой перевоз через Суру; но, перевозя по небольшому числу, в городе тотчас их хватили и душили, и остававшиеся на той стороне чуваша не могли догадаться о таком обмане, пока все не подверглись той же участи»³. В другом рассказе один чуваш, бежавший из Ядрина к Пугачеву, вспоминал, как переправлявшихся через Суру пугачевцев запирали в городе «в дымные избы, моряли голодом, вешали за ноги, немилосердно били нагайками, посыпая спину солью». Отряд ядринцев, сформированный Лихутиным, встретился с авангардным отрядом повстанцев. В бою пугачевцы потеряли 3 убитыми и 12 ранеными⁴. При отступлении произошло столкновение пугачевцев с отрядом правительственных войск под командованием секунд-майора Мелина. Пугачевцы потерпели поражение. Шесть ядринских купцов были награждены именными драгоценными ковшами, а купец Засыпкин, который отбил у пугачевского отряда знамя, пожалован шпагой с серебряным эфесом.

Как победный трофей знамя впослед-

ствии было отправлено в Казань и затем перевезено в Москву. На печатном ярлыке, прикрепленном к знамени, значилось: «№ 131. Знамя бунтовщика Пугачева отбито при защите города Ядрина Казанской губернии именитым гражданином Засыпкин-ым в 1774 году. Доставлено из Казанского Арсенала в Московский по словесному государя императора [Николая I] повелению во время пребывания в Казани в 1836 году». После Великой Октябрьской социалистической революции знамя было передано из Оружейной палаты в Музей Революции, реставрировано, а в 1949 г. оно прочно заняло свое место в экспозиции ГИМа. Ни в документах, ни в воспоминаниях современников никаких дополнительных сведений об этом знамени не имеется. Наши общие представления о знаменах и других отличительных знаках армии Пугачева складывались благодаря уцелевшим в архивах манифестам и указам Пугачева, переписке, правительственным рескриптам, донесениям и показаниям участников восстания.

Незадолго до начала Крестьянской войны, в 1772 г., вспыхнуло восстание казаков на Яике, которое закончилось кровопролитной схваткой «войсковой стороны» со стянутыми туда регулярными силами. Казакам удалось захватить из Войсковой казачьей избы два войсковых знамени васьикового и дымчатого цветов. Вследствие их отвезли к Е. И. Пугачеву. Он приказал разрезать каждое из них на две части, добавить разноцветного шелку, галунов и сшить новые знамена⁵. Крестьянская война началась 17 сентября 1773 года. В этот день был зачитан первый манифест Пугачева, в котором Яицкое войско жаловалось за верную службу «рякою с вершин и до устья, землю и травами и денежным жалованьям, и свинцом, и порохом, и хлебным провлянтом»⁶. Затем был дан приказ развернуть знамена. Их было штук пять разного цвета и с нашитыми на них восьмиконечными крестами. На следующий день восставшие двинулись к Яицкому городку. Впереди всех ехали на лошадях знаменосцы казаки Федор Бурынин, Максим и Иван Морковцевы, Алексей Кочуров и неизвестный нам по имени калмык.

Знаменам придавалось большое значение. По-видимому, ни один отряд пугачев-

³ С. П. Михайлов. Воспоминания о пугачевщине. «Казанские губернские ведомости», 1860, № 28.

⁴ Николаев. Историческая заметка о пугачевском бунте. «Казанские губернские ведомости», 1864, № 25.

⁵ Н. Ф. Дубровин. Пугачев и его сообщники. Т. I. СПб. 1884, стр. 228—229.

⁶ «Пугачевщина». Т. I. М.-Л. 1926, стр. 25.

ского войска не вступал в сражение без знамени. В повстанческих отрядах Пугачев пытался ввести некоторые элементы правильной военной организации. Очевидец осады Оренбурга в своих показаниях отмечал, что «толпа [восставших] разделена на несколько частей, которыми управляют старшины, а всякая часть на роты, и в каждой роте считается по сто рядовых, есаул, сотник и два хорунжих»⁷. (Напомним, что сам Е. И. Пугачев имел младший офицерский чин хорунжего, получив его за действия при штурме турецкой крепости Бендеры в русско-турецкой войне 1768—1774 годов.) В казачьих войсках того времени хорунжий был также знаменосцем, хранителем знамени. В отрядах Пугачева носителями знамени являлись специально назначенные для этой цели люди, пожалованные чинами хорунжих. В «Именном списке» начальствующих лиц в войске Пугачева содержатся допросы, учиненные пленным участникам восстания в сентябре 1774 г. в Царицыне: «Иван Андреев Смородов. Алатырского уезду, помещика Чиркова, села Чиркова ж крестьянин... На сражениях находился, употребляем был со значьком в чине хорунжего»; «Яков Петров Белянин. Того ж уезду, помещика Чиркова, деревни Ушаковки крестьянин... Был на сражении с полевою командою и на последнем употреблялся со значьком же в чине хорунжего»⁸.

Руководитель Крестьянской войны придавал своим знаменам государственное значение, стремился популяризировать их. «Сим моим имянным указом Илецкой станицы атаману Лазарю Портнову, старшинам и казакам повелеваю,—отмечалось в одном из распоряжений Пугачева.—Ожидайте меня великого государя к себе с истенною верноподданническою радостию и из городка на встречу мне со оружием своим вытте и в доказательство своей мне верноподданнической верности положите оружие свое пред знаменами моими»⁹. В других случаях в качестве такого доказательства требовались от сдающихся военные почести победителю, включая церемонию преклонения знамен. «Имянной мой указ во Оренбургскую губернскую канцелярию губернатору к Рейнздропу Ивану Андреевичю и всем господам и всякого звания людям: выдите вы из града вон, вы-

несите знамена и оружие, приклоните знамена и оружие пред великим государем»¹⁰. Сдачу города нужно было производить по всем положенным на войне правилам: передавать победившим артиллерию, порох, оружие и «знамена без подлога». Многие села и города Приуралья, Поволжья, казачьи станицы переходили на сторону восставших. Встречали Пугачева с образами, хлебом-солью. В донесениях и рапортах казачьих старшин и полковников Войска Донского в разных вариантах сообщалось о том, что «во многих же войска Донского станицах толпу ево, зладея, встречают не только с хлебом и солью, но и знаменами»¹¹. Предводитель калмыцкого войска Ценден присоединился к восставшим и в знак признания Пугачева преклонил перед ним свои знамена.

Что же можно сказать о внешнем виде знамен, под которыми стояли и сражались участники Крестьянской войны? В манифестах и указах Пугачева, в воззваниях некоторых его соратников говорилось о пожаловании казачества, помещичьих крестьян, работных людей землями, реками, лесными и сенокосными угодьями, об освобождении их от рекрутских наборов, подушной подати, обещались воляность и свобода¹². Однако ни эмблем, ни аллегорических изображений, ни надписей, выработанных самими восставшими, на их знаменах не было. Один из участников событий рассказывал, что «каждый полк имел свое знамя, приготовленное из шелковой материи желтого или красного цвета. На одних знаменах были нашиты кресты, на других — лик Спасителя или Николая Чудотворца»¹³. Казачий хорунжий Малахов так описывал виденные им знамена: «Знамена были с разными на них изображениями святых, однакожь без полей и звезд золотых и серебряных, только у некоторых вышиты малыя звездочки, у некоторых по краям позументы, а другие и без всяких изображений»¹⁴. Казачий старшина Чеберев сообщал, что в одном из пугачевских отрядов он видел белое знамя и, судя по этому, в том отряде находился сам Пугачев¹⁵.

Таким образом, все самодельные знамена

¹⁰ Там же. Т. 2, стр. 53.

¹¹ Там же, стр. 237.

¹² Там же. Т. 1, стр. 40—41.

¹³ Н. Ф. Дубровин. Указ. соч. Т. 2, стр. 179.

¹⁴ Там же. Т. 3, стр. 179.

¹⁵ «Пугачевщина». Т. 2, стр. 405.

⁷ Там же. Т. 2. М.-Л. 1929, стр. 388.

⁸ Там же, стр. 211.

⁹ Там же. Т. 1, стр. 25—26.

обычно изготовлялись восставшими по образцам государственных знамен регулярной армии, а главным образом по подобию казачьих походных знамен, прапоров, значков и бунчуков. Они делались из тафты или камки — шелковых тканей белого, лазоревого, красного и других цветов, с каймами, с шитым или писаным изображением государственного герба, с золотной бахромой, надписями. Полковые и ротные знамена выдавались из запасов старых знамен, хранившихся на Санкт-Петербургских мундирных складах при Военной коллегии. А иногда знамена изготовлялись по рисункам начальных людей казачьих частей, и в таких случаях их могли шить из холста-крашенины и хлопчатобумажных тканей — киндяка, миткаля, кумача. Знамена эти были небольшими, середина их кроилась четырехугольником, к одной стороне иногда пришивались два хвоста в виде углов. Середина обшивалась цветной каймой, в центре шивались крест или изображения святых, на оставшиеся места помещались шитые или писаные «признаки» — звезды, кружки, кресты. У казаков имелись, кроме знамен, еще значки и бунчуки. Значки делались из разноцветной тафты с каймами, с двумя-тремя хвостами. Часто значками назывались также сотенные или ротные знамена. Бунчуки, состоявшие из длинного древка и связки длинных конских волос, с головкою из цветных волосяных либо шелковых веревок, спадавших вниз, с серебряной золоченой доскою с надписью, символизировали собой власть и знаки достоинства гетманов и казачьих атаманов. Но примерно с середины XVIII в. бунчуками назывались также небольшие знамена с клиновидными концами. Они изготовлялись из шелковых тканей самых разных цветов, с каймами, на них изображались лики и фигуры святых, кресты, звезды.

В войске Е. И. Пугачева использовались также знамена тех казачьих отрядов, которые вливались в ряды восставших. В их руки попадали и знамена сдававшихся городов и крепостей. Однако в ходе военных действий отдельным отрядам повстанцев случалось оказываться в самых непредвиденных обстоятельствах, и тогда знамена делались наспех из наиболее подходящих для того бытовых вещей, которые находились под рукой. Об этом повествуют документы. Так, в апреле 1774 г. Е. И. Пугачев, взяв Авзяно-Петровский завод, определил всех заводских рабочих в один из полков под командованием Д. Ма-

карова, который следовал затем к Казани. Накануне осады города крестьянин Казанской губернии Василий Иванов сын Акаев, работный человек Авзяно-Петровского завода, был назначен хорунжим и «имел у себя желтый шелковой с пришитым крестом бунчук». В дальнейшем Акаев создал самостоятельный отряд, с которым прибыл на реку Медведицу, в распоряжение Войска Донского. Здесь «набрело к нему более трехсот человек все почти никакого оружия не имеющих... с коими он [Акаев], зделав на пути два ис платков шелковых бунчуки, вехал в Березовскую станицу... И в той Березовской станицы переночевав, по утру оставили тамо своих худых и усталых лошадей, а вместо их, пригнав станищной табун, взяли лутчих казачьих и один станищной бунчук...»¹⁶.

В народных преданиях и рассказах упоминаются также случаи преподнесения в дар пугачевским атаманам цветных шелковых платков для изготовления знамен. Знамя, хранящееся в ГИМе, совсем не похоже на все те знамена, значки и бунчуки, о которых мы рассказывали. Не похоже оно и на государственные знамена регулярной армии XVIII века. Однако откуда оно, кем и когда сделано? Ответить на эти вопросы можно, конечно, только предположительно. Это знамя все-таки находит себе аналогии, и они ведут его во вторую половину XVII века. Весь его облик сопоставим с сотенными знаменами московских стрелецких полков. Середина и опушка в них всегда были разного цвета, в четвертях шивались восьмиконечные кресты, звезды, кружки. Шились стрелецкие знамена главным образом из шелка, тафты и камки, а иногда и из других тканей — льняного холста и хлопчатобумажных киндяка, миткаля, зендени (особенно у городских стрелецких полков конца XVII — начала XVIII в.). Если предположить, что знамя, о котором идет речь, шилось специально для восставших, то сделано оно было руками человека, сочувствовавшего восставшим и, может быть, принимавшего участие в движении. «Строить» знамена было делом далеко не простым. Для их шитья приглашались специальные закройщики, портные, живописцы, плотники для приготовления пялец. Думается, что знамя пугачевского отряда сшито мастером знаменного дела, руками умельцами.

¹⁶ Там же, стр. 340—341.

Можно предположить также, что знамя это, сохранившееся в административных учреждениях одного из тех городков Приуралья или Поволжья, которые переходили на сторону Пугачева либо сдавались ему после боя, было найдено восставшими и использовано ими для своих целей. Наконец, можно сделать еще одно предположение. Не овеяно ли это знамя духом разинского восстания, мощной волной прокатившегося веком раньше почти по той же местности? Вместе с донским казачеством, крестьянством, нерусскими народностями выступали против московского правительства стрельцы и другие служилые люди, перешедшие на сторону восставших. Быть может, сотню лет знамя бережно и тайно хранилось в семье, предкам которой довелось встречать разинские отряды? Например, в «опальной рухляди» одного из участников разинского движения среди оружия, ценностей и носильного платья было обнаружено знамя, сделанное из красной пестряди, как повествует о том подлинный до-

кумент XVII века¹⁷. В 1682 г.^о, то есть 11 лет спустя после казни С. Т. Разина, донские казаки собирались под знамена, чтобы снова идти на Хвалынское (Каспийское) море. «А сказывают, де они, донские воровские казаки, что те знамена и прапорец Стеньки Разина»¹⁸, — с тревогой сообщал местный полковник из Острогожска курскому воеводе.

Вещи порою переживают удивительные судьбы, связанные с жизнью трудового народа. И если фольклорные предания, сказания и песни о С. Т. Разине и Е. И. Пугачеве дошли и сохранились в устах народа до наших дней, то почему бы и пугачевскому знамени не являться той реликвией, которая сохранялась кем-то с XVII века?

Е. С. Карпова

¹⁷ «Крестьянская война под предводительством Степана Разина». Сборник документов. Т. 2. М. 1957, стр. 577.

¹⁸ Там же. Т. 3. М. 1962, стр. 376—377.